

Ю.А. ВИНОГРАДОВ

ОСТРЫЙ ИЛИ ДЕСЯТЫЙ КУРГАН НЕКРОПОЛЯ ЮЗ-ОБА

Этот курган представляется одним из самых любопытных и важных памятников некрополя Юз-Оба (рис. 1). Не удивительно, что археологи потратили на его исследования огромное время и немалые средства, однако, в современной научной литературе этот памятник практически не упоминается и, к огромному сожалению, является почти забытым [см.: Виноградов, 2005, с. 272-273; 2009, с. 79-80; 2010а, с. 530; 2011, с. 43 сл.]. А.Е. Люценко приступил к его раскопкам осенью 1861 г. и, следуя своей нумерации исследованных им курганов Юз-Обы, назвал Острый курган Десятым. Первоначально керченский археолог полагал, что его высота составляла 13 м, а длина окружности – 170 м. Однако начавшиеся раскопки показали ошибочность такого мнения, – высота кургана достигала 17 м, а длина окружности – 240 м [Научный архив ИИМК РАН, ф. 1, 1861 г., д. 16, л. 58 об.]. Следует сразу подчеркнуть, что по размерам Острый курган является одним из самых крупных не только в некрополе Юз-Оба, но и вообще в ближайших окрестностях Керчи, – знаменитый Царский курган имеет высоту в те же 17 м, а самым большим здесь, скорее всего, является Золотой – 21 м [Виноградов, 2007, с. 6; 2010б, с. 471].¹ Насыпь состояла из земли, глины и крупных необработанных камней. А.Е. Люценко при этом отметил, что с западной стороны курган был обложен толстым слоем бутового камня. Другое его важное наблюдение заключается в том, что курган стоял на скале, поверхность которой была плоской, т.е. горизонтальной. Скала перекрывалась слоем бутового камня, имевшего мощность от 0,70 до 1,40 м, в котором иногда встречались опиленные камни.

Раскопки Острога кургана были начаты в западной части кургана [рис. 2; ОАК, 1861, с. VI–VII]. При описании этих и последующих археологических исследований мы, в основном, будем опираться не на слишком краткие «Отчёты Императорской археологической комиссии», а на материалы, хранящиеся в Научном архиве Института истории материальной культуры РАН [см.: Ф. 1, д. 16, л. 47, 49 об., 50 об., 55 об. – 56 об., 57 об. – 58 об., 59 об. – 60 об., 61-62, 67-68 об.; 1862 г., д. 13, л. 5, 7, 12, 14, 15 об., 17 об., 19, 37; 1883 г., д. 23, л. 7; 1885 г., д. 23, л. 8 об.]. Из них явствует, что вскоре после начала раскопок была выявлена подпорная каменная стена высотой 1,40 м, к которой примыкала

¹ Вообще же в окрестностях Керчи самым высоким курганом является Кара-Оба; высота этого кургана достигает 25,60 м [о нём см. статью Р.В. Стоянова в этом сборнике].

лестница из 11 ступеней, построенная «в уровень с нею», т.е. имеющая равную со стеной высоту. Обе конструкции были сложены из необработанного камня. Длина ступеней составляла 2,50 м, а ширина всего около 0,20 м. Исследователь кургана предположил, что она была сделана строителями для облегчения производства работ [Ф. 1, 1861 г., д. 16, л. 47 об.], однако ширина ступеней представляется слишком маленькой для этой цели, – рабочие по ней должны были ходить буквально на цыпочках. По этой причине можно считать, что лестница с западной стороны кургана имела совсем другое предназначение.

Дойдя до центра кургана, А.Е. Люценко обнаружил здесь небольшое углубление в поверхности скалы, в котором находилась «обыкновенная», т.е. остродонная амфора [Там же, л. 50 об.]. К сожалению, он никак не описал эту амфору. Затем в северо-западной части кургана была открыта часть подпорной каменной стены. На протяжении 3,50 м она состояла из трёх рядов отёсанных плит, далее из двух и, наконец, только из одного. Стена эта была впущена в скальный материк, для чего в нём были вырублены гнёзда квадратной формы [Там же, л. 57 об. – 58 об.].

На расстоянии 6,40 м от стены вскоре была открыта вторая, параллельная ей, сложенная из таких же плит, но имеющая всего один ряд кладки. Таким образом, выяснилось, что Острый курган имел как бы две ограды. На пространстве между двумя обозначенными стенами скала имела небольшой скат к подошве кургана, при этом на всём её пространстве здесь были вырублены гнёзда длиной от 4,25 до 6,40 м, шириной от 3,75 до 7,50 м и глубиной от 0,35 до 0,55 м. Эти гнёзда были заложены поперёк ограды рядами тёсанных плит. На щеках некоторых из них была вырезана буква Т. Промежутки между рядами плит и скалой были засыпаны крупными и мелкими отёсками строительного камня [Там же, л. 59 об. – 60 об.]. А.Е. Люценко высказал предположение, что две описанные стены относятся к какой-то постройке, но она так и осталась неисследованной. В наши дни, оценивая это открытие, можно считать, что тогда была открыта одна стена, точнее, два панциря одной подпорной стены, общая толщина которой составляла 6,40 м.

С южной стороны кургана А.Е. Люценко был замечен грабительский раскоп, но это не помешало ему провести здесь раскопки в 1861 г. Результатом этих раскопок стало открытие каменной конструкции четырёхугольной формы, сложенной из плит, подобных использованным при строительстве оград. Поначалу эту конструкцию приняли за каменную гробницу, присвоив ей № 29 [рис. 2–4; Там же, л. 60 об.]. В действительности же гробница № 29 имела совсем другую конструкцию, это была катакомба, вырубленная в грунте [Там же, л. 67–69], а обнаруженное каменное сооружение оказалось ведущим в неё колодцем. Внутренние размеры колодца составляли 3,20 × 2,15 м при глубине 7,50 м. В Научном архиве ИИМК РАН имеются рисунки входа в колодец и в саму катакомбу, позволяющие представить, насколько монументальной была открытая тогда постройка (рис. 5–6)².

² На рисунке Ф.И. Гросса (рис. 5) рядом с входом в колодец, почти под лебёдкой, устроенной рабочими для подъёма грунта, изображён большой обломок амфоры. Определение типа этой амфоры мог-

Вызывает большое удивление, что на этот рисунок колодца катакомбы, сделанный Ф.И. Гроссом, равно как и на другие рисунки Острого кургана, хранящиеся в Научном архиве ИИМК РАН, за 150 лет, прошедших с момента раскопок А.Е. Люценко, не обратил внимание ни один исследователь. Между тем, они наглядно демонстрируют один из выдающихся, без преувеличения, уникальный памятник культуры Боспорского государства.

Катакомба была вырублена с северной стороны колодца, на глубине 6 м от поверхности скалы (рис. 3–4; 7). Вход в камеру был перекрыт стеной из тесаных плит, в которой был оставлен проход (приблизительно $2,15 \times 1,80$ м), заложенный необработанными камнями; высота же всего входа достигала 3,90 м, а ширина – 2,85 м (рис. 6). Катакомба длинной осью была ориентирована в широтном направлении (рис. 7). Она имела двускатный потолок, пол был вымощен тонкими каменными плитками. Гробница представляла собой очень крупное сооружение: длина – 6,40 м, ширина – 4,60 м, высота – до 3,90 м. Площадь катакомбы, таким образом, составляла почти 29,50 кв. м.

Стены камеры были гладко выровнены, но никаких рельефных украшений или остатков росписей на них замечено не было. Из описания ясно, что в ней был устроен каменный помост, вероятно, для установки саркофага. Однако, катакомба оказалась полностью ограбленной, никаких особо показательных находок археологи здесь не нашли. А.Е. Люценко лишь обратил внимание, что на полу было обнаружено «множество досок от поломанных деревянных саркофагов, несколько больших опрокинутых плит, служивших им, вероятно, подпорами, кучи просеянного праха и мусора, более 20 медных гвоздей длиною около 5 вершков (более 22-х см – Ю.В.) и одна уцелевшая гипсовая алабастра» [ОАК, 1861, с. VI-VII; ф. 1, 1861 г., д. 16, л. 69]. В июне 1862 г. А.Е. Люценко расчистил камеру от оставшегося в ней мусора, так что вход в катакомбу оказался открытым. Тогда же он отметил, что эта катакомба, несмотря на её разорение, «принадлежит к числу весьма любопытных памятников древности» [Ф. 1, 1862 г., д. 13, л. 19], и в этом замечательный керченский археолог был, безусловно, прав.

Поначалу А.Е. Люценко надеялся на открытие новой катакомбы в Остром кургане и предположил, что подобные погребальные конструкции будут обнаружены в других курганах Юз-Обы. Эти надежды оказались напрасными, и уже в декабре 1861 г. он признал, что катакомба является главной и, может быть, единственной гробницей, для которой Острый курган был воздвигнут [Ф. 1, 1861 г., д. 16, л. 67 об.].

В 1862 г. А.Е. Люценко продолжил раскопки [ОАК, 1862, с. V-VI], тогда с северо-западной стороны кургана он обнаружил подпорную стену, точнее, её продолжение, поскольку подпорная стена была уже открыта в западной части в 1861 г.

ло бы помочь при хронологической атрибуции кургана, однако, рисунок довольно условен, и идентификация типа сосуда не представляется возможной. (Благодарю за консультации С.Ю. Монахова и Д.Е. Чистова).

Между этими двумя участками в конструкции имелся странный разрыв, оформленный в виде рва. Однако более замечательное сооружение было открыто тогда с восточной стороны кургана [Ф. 1, 1862 г., д. 13, л. 5-6]. Это была великолепная ограда (рис. 8), состоящая из пяти рядов огромных каменных плит (длина плит достигала 0,90–1,25 м, ширина – 0,60 м, высота – 0,30 м). Ряды кладки при этом лежали уступами с наружной стороны, создавая подобие лестницы. Эти уступы в высоту и ширину составляли более 0,30 м. В насыпи над этой конструкцией были найдены обломки каменных плит с остатками греческих надписей. Ни в одном из других курганов Юз-Обы, как все хорошо знают, ничего подобного обнаружено не было! На одном из фрагментов, имевшем в длину 9 см, сохранилось шесть крупных букв, высеченных в две строчки: ... ΔΩΝ /... ΤΟΣ, [Ф. 1, 1862 г., д. 13, л. 6]. Если немного пофантазировать, то без особого труда можно представить, сколь важный эпиграфический документ мог бы быть получен, если бы А.Е. Люценко попытался собрать все обломки. Вспомним в связи с этим надпись Аргота из Неаполя Скифского, сравнительно недавно собранную из обломков Ю.П. Зайцевым [Зайцев, 2003, с. 52, 110-111, рис. 40-41]. Однако А.Е. Люценко, к огромному сожалению, не сделал этого, хотя к находкам фрагментированных краснофигурных сосудов в курганных насыпях он относился с огромнейшим вниманием, стараясь собрать все обломки.

Разобрав часть ограды, обнаруженной с восточной стороны, археолог отметил, что в разрезе она имела форму трапеции: ширина по верху – 4,25 м, по основанию – 6,40 м, высота – около 2,15 м [Ф. 1, 1862 г., д. 13, л. 7]. Ширина конструкции показала А.Е. Люценко необычной, и это действительно так. Более того, в высшей степени любопытно, что она совпадает с шириной конструкции, основание которой было открыто в западной части кургана в 1861 г. Напомню, что та составляла те же 6,40 м, и в связи с этим ещё раз выскажу предположение, что А.Е. Люценко обнаружил там основание подобного сооружения в виде «лестницы», которое было практически полностью разобрано.

Продолжая изучение подпорной стены, директор Керченского музея сделал ещё одно важное наблюдение. Как оказалось, она образует вокруг кургана правильный восьмиугольник [ОАК, 1862, с. V-VI: ф. 1, 1862 г., д. 13, л. 14]. Среди боспорских курганов крепиды подобной формы не зафиксированы. При этом в направлении к северу – северо-западу и далее к западу данная стена заметно сужалась. Любопытно также отметить, что в этой части насыпи встречалось большое количество обломков мрамора, что позволило А.Е. Люценко высказать предположение, что на широкой площадке, образованной стеной с лестницей, был установлен мраморный саркофаг. Это предположение сейчас представляется почти невероятным, однако, можно допустить, что на данном месте был поставлен какой-нибудь скульптурный памятник. Необходимо отметить также, что А.Е. Люценко беспощадно разбирал эту замечательную каменную конструкцию, полагая, что под ней скрывается вход в ещё одну катакомбу. Но его труды оказались напрасными, никаких иных погребальных сооружений в кургане открыть не удалось [Ф. 1, 1862 г., д. 13, л. 12].

В 1863 г. А.Е. Люценко вновь вернулся к исследованию Острого кургана, заложив два раскопа с восточной его стороны, но ничего здесь не обнаружил и раскопки на памятнике прекратил [Ф. 1, 1863 г., д. 6, л. 11]. Через 20 лет на этот курган обратил внимание Н.П. Кондаков и копал его два сезона – в 1883 и 1885 гг. [ОАК, 1882-88, с. LXXXIV]. В южной части насыпи он выявил подпорную стену, достигавшую в высоту 3,75 м [Ф. 1, 1883, д. 23, л. 7]. Исследователь определил её как «террасообразное укрепление насыпи». Любопытно, что в этой части кургана стена была более, чем на половину выше по сравнению с участком, обнаруженным А.Е. Люценко с восточной стороны насыпи, но из краткого описания можно сделать предположение, что она имела ту же конструкцию, что и сооружение в виде лестницы, открытое в восточной и, может быть, западной частях кургана. Н.П. Кондаков тоже обнаружил большое количество мраморных обломков, повторив догадку, что здесь был установлен саркофаг [Ф. 1, 1883 г., д. 23, л. 7]. Развивая эту идею, Н.П. Кондаков предположил, что основная гробница Острого кургана была устроена не в материке, а в насыпи. С целью поисков этой гробницы исследователь сделал разрез кургана, проведя раскопы с западной и южной сторон через центр насыпи. Однако никаких остатков гробницы или даже намёков на её существование ему найти не удалось [Ф. 1, 1885 г., д. 23, л. 8 об. – 9]. После Н.П. Кондакова раскопок Острого кургана уже никто не предпринимал, и в плане оценки этого памятника нам остаётся согласиться с мнением А.Е. Люценко и считать, что главным и единственным его погребальным сооружением была катакомба № 29.

Как было сказано выше, сколь-либо ярких вещевых находок в Остром кургане сделано не было, и о нем постепенно начали забывать, а к настоящему времени забыли напрочь. Даже его местоположение на хребте Юз-Оба нам точно не известно! Г.А. Цветаева, правда, отметила, что этот курган «очень интересен, но мало понятен ввиду его неполной исследованности» [Цветаева, 1957, с. 242]. С этим мнением отчасти можно согласиться, но для своего времени этот памятник всё-таки был исследован достаточно полно. За четыре сезона археологи перекопали курган во всех направлениях, разве что не снесли насыпь полностью; в отчёте по этому поводу отмечено, что «материковое его основание расследовано во всевозможных направлениях, и самая подошва кургана окопана кругом с целью определения, не находится ли в нём другой центральной катакомбы» [ОАК, 1882-88, с. LXXXIV], однако, никаких других гробниц, кроме катакомбы № 29, археологам обнаружить не удалось. Тем не менее, следует подчеркнуть, что в Остром кургане они открыли целый ряд в высшей степени интересных, можно сказать, уникальных для Боспора конструкций.

Прежде всего, особого научного внимания заслуживают лестницы, открытые в крепиде Острого кургана. Напомню, что наиболее впечатляющая конструкция была открыта А.Е. Люценко в восточной части насыпи (рис.), и, как представляется, основание такой же разрушенной конструкции было обнаружено им на западе. Н.П. Кондаков выявил «террасообразное укрепление насыпи» на юге. Совсем не исключено, что подобного рода лестница была устроена и с северной стороны кургана,

которая, как представляется, осталась не достаточно исследованной. Нет сомнения, что крепиды древних курганов имели не только функциональное предназначение, предотвращая осыпание или оплывание насыпи, но и служили своего рода сакральной границей, отделяющей пространство кургана от хаоса внешнего мира. В таком контексте «лестницы на небеса», расположенные по четырём сторонам света, представляются абсолютно органичными, хотя в других курганах Боспора ничего подобного открыто не было. Лестницы Острого кургана предстают сейчас абсолютно уникальными.

Задача поисков аналогий этим сооружениям, разумеется, представляется в высшей степени важной. Не претендуя на окончательное решение вопроса, можно указать, что курганы, крепиды которых были сложены в виде лестниц, известны во Фракии: Мал Тепе, Могилянска Могила. Хронологическая атрибуция Мал Тепе весьма проблематична [Филов, 1937, с. 7-9, обр. 3]; Могилянска Могила датируется второй половиной IV в. до н.э. [Theodossiev, 1995, p. 380]. На мой взгляд, фракийские крепиды в виде лестниц имеют принципиально важное значение для понимания своеобразия устройства Острого кургана, но они, в свою очередь, могли вести свое происхождение из более отдаленных стран, о чем будет сказано чуть ниже.

Несмотря на фактическое отсутствие находок, следует обратить внимание, что данный погребальный комплекс можно относить к самому высокому рангу. Выше было сказано о грандиозности насыпи Острого кургана и уникальности его крепиды. Сейчас же надо признать, что открытая в нём погребальная камера (катакомба) является одной из самых крупных по площади среди всех погребальных памятников Боспора (29,50 кв. м). Она несколько уступает круглому склепу Золотого кургана (площадь которого – 31,40 кв. м), но зато значительно превосходит склеп Царского (18,60 кв. м) [Виноградов, 2007, с. 9; 2010б, с. 472]. Высота катакомбы, по понятным причинам, уступает названным склепам в 2-3 раза. По моему глубокому убеждению, этот памятник вполне можно считать царским.

Хронологическая атрибуция Острого кургана вызывает очень большие затруднения, поскольку исследователи не дали характеристики ни единого из обнаруженных здесь керамических фрагментов, хотя, как было сказано выше, в кургане была найдена, по крайней мере, одна амфора. Однако соображения горизонтальной стратиграфии некрополя, а также упоминание о найденном в катакомбе алабастре заставляют относить этот курган, как и практически все погребения Юз-Обы, к IV в. до н.э.

Еще раз следует обратить внимание, что охарактеризованный выдающийся и уникальный для Боспора памятник обойден вниманием ученых. Лишь Г.А. Цветаева уделила ему несколько строк в своем исследовании курганного некрополя Пантикапея. Отметив своеобразие Острого кургана, она высказала предположение, что этот памятник с его катакомбой может быть прототипом более поздних боспорских катакомб [Цветева, 1957, с. 242, прим. 80]. Искать в IV в. до н.э. прототип катакомб первых веков новой эры, может быть, и имеет смысл, но само по себе это

предположение еще не объясняет появления на Боспоре в IV в. до н.э. единственного пока кургана, при этом столь грандиозного, с подобной погребальной камерой.

С одной стороны, трактовка данного археологического факта не столь сложна. Катакомба – типичная черта скифского погребального обряда [Ольховский, 1977, с. 108 сл.; 1991, с. 26 сл.; Абрамова, 1982, с. 9 сл.]. Любопытно при этом, что катакомбы в курганах Крыма очень редки, и, по мнению исследователей, они здесь характеризуют не столько погребальную обрядность населения Крымской Скифии, сколько традиции небольших групп скифов, проникавших сюда из Поднепровья и Приазовья [Колтухов, Кислый, Тоцев, 1994, с. 112]. В своё время я предполагал, что появление такого комплекса, как Острый курган в некрополе боспорской знати, указывает на главное направление культурных и политических связей Боспора с местными племенами, которые в IV в. до н.э. вели в степи Северного Причерноморья [Виноградов, 2005, с. 273; 2010а, с. 530].

Ни в коем случае не отказываясь от этой точки зрения, хотелось бы указать на одну особенность обнаруженной в Остром кургане катакомбы. Её свод явно копирует двускатную кровлю некой постройки (рис. 4, 7), что не типично для Скифии, где катакомбы обычно вырубались в виде пещеры [Ольховский, 1977, с. 108]. В курганах Тираспольщины, правда, были открыты катакомбы, устроенные наподобие домов с двускатными крышами. А.И. Мелюкова логично связала эти погребальные сооружения с культурой оседлого населения, но датировала их уже постскифским временем – II в. до н.э. [Мелюкова, 1962, с. 163, 165].

Появление такого типа свода в боспорской катакомбе, на мой взгляд, в высшей степени любопытно, но убедительное объяснение этому факту пока вряд ли можно предложить. Прекрасно понимая такое положение, рискну предложить следующую цепочку аналогий. Среди гробниц с двускатной кровлей, прежде всего, следует отметить усыпальницу создателя Персидской державы Кира, погибшего в 530 г. до н.э. Известно, что эту гробницу посетили Александр Македонский и его соратники, оставившие свои описания [Arr. Anab. VI, 29, 4-11; Strab. XV, 3, 7]. Усыпальница Кира отличается значительным своеобразием: однокамерная гробница в виде дома с двускатной кровлей была поставлена на шестиступенчатое основание [см.: Матье и др., 1968, с. 92, илл. 280а; Афанасьева и др., 1976/1977, с. 177, 179, рис. 118; Herzfeld, 1941, p. 214-215, pl. XLI; Schmidt, 1953, p. 24; Nylander, 1970, p. 91-102; Boardman, 2000, p. 53-60; Valeva, 2005, p. 14-15, 24, fig. 14]³. Персидские погребальные традиции, как известно, оказали определённое влияние на облик погребальных памятников Малой

³ Дж. Бордман считает, что персидский тип царской гробницы был изобретён в Лидии, исполнен в лидийско-ионийской технике с некоторыми особенностями греческой ионийской архитектуры [Boardman, 2000, p. 60]. Признавая сильнейшее ионийское влияние, всё-таки необходимо осознавать, что этим памятником была создана иранская, ахеменидская концепция царской усыпальницы, повлиявшая на облик элитных усыпальниц других народов, в частности, в Карию [Nylander, 1970, p. 93; ср.: Луконин, 1987, с. 83-84]. Можно предположить, что не столь очевидные для нас культурные импульсы, исходящие из сердца Персии, разошлись и на более отдалённые территории.

Азии [Kurtz, Boardman, 1971, p. 284-288, 297, fig. 70; Valeva, 2005, p. 16]. Очень показательна в этом отношении гробница кургана Дарданос в Троеде (конец VI в. до н.э.), имевшая двускатное перекрытие [Sevinç, Treister, 2003, p. 216-220, fig. II]. Последняя имеет безусловное сходство с некоторыми фракийскими склепами классического и эллинистического времени, имеющими двускатное перекрытие [Sevinç, Treister, 2003, p. 220], примером которых может служить склеп в Татарево [см.: Миков, 1955, с. 38 сл., 42, обр. 41, 4; ср.: Базайтова, 2006, с. 353, обр. 2, 1]. Датировка фракийских гробниц остается весьма расплывчатой, их появление относят либо к началу V в. до н.э. [Гошев, 2005, с. 58], либо к середине этого столетия [Tsetskhladze, 1998, p. 51].

В.Ф. Гайдукевич считал, что на Боспоре подкурганые склепы с уступчатым сводом появились в конце V в. до н.э. [Гайдукевич, 1949, с. 245; 1981, с. 51], сейчас это событие относят к рубежу V–IV вв. до н.э. [Савостина, 1986, с. 84; Tsetskhladze, 1998, p. 49]. Если придерживаться весьма вероятной концепции, что боспорские склепы сформировались под фракийским влиянием [см.: Кауфман, 1947, с. 25; Гайдукевич, 1949, с. 265-266; Gajdukevič, 1971, S. 271, 282-283], то приходится признать, что один из их типов, т.е. прямоугольные склепы с перекрытием с двух длинных сторон [Савостина, 1986, с. 92], отличался от упомянутых памятников, прежде всего, наличием выступов, которые во Фракии, как и в Малой Азии, обычно гладко стесывались.

В особенностях конструкции катакомбы Острого кургана, как нетрудно понять, можно усматривать не только скифское влияние, но и проявление неких культурных импульсов, исходивших из Персии – Малой Азии – Фракии. Вполне очевидно, однако, что катакомбу, вырубленную в грунте, нельзя ставить в один ряд с гробницами, построенными из камня. В этом отношении особое значение для нас приобретает скальная гробница персидского царя Дария I в Накш-и-Рустем. Ее свод был оформлен в виде двускатной кровли [Herzfeld, 1941, p. 218-219, fig. 326; Schmidt, 1970, p. 82, fig. 31; pl. 38, B; 39, B], и здесь сходство с устройством свода катакомбы Острого кургана уже вполне очевидно. Однако, можно ли усматривать в этом факте какую-либо взаимосвязь, сказать весьма и весьма затруднительно, но и исключать такое влияние, пусть в опосредованном виде, полностью тоже вряд ли возможно.

Выше было сказано об особенностях устройства крепиды Острого кургана, которая имела монументальные лестницы, как представляется, с четырех сторон, а также и о том, что крепиды в виде лестниц зафиксированы на некоторых погребальных памятниках Фракии. Сейчас же следует акцентировать внимание на том, что самым ранним погребальным памятником, возведенным на ступенчатом основании, была уже упомянутая гробница Кира. Другой монумент подобного рода – «пирамидальная гробница» в Сардах (см.: Valeva, 2005, p. 16, 24, fig. 15) –, к сожалению, плохо сохранился. Тем не менее, даже наличие одной гробницы Кира позволяет согласиться с мнением Ю. Валевой, которая считает, что царские погребальные памятники Малой Азии и Персии оказали явное влияние на погребальную архитектуру аристократии таких стран, как Фракия (Valeva, 2005, p. 16), а через нее – и на Боспор. Иными словами, как и в случае с курганом у села Баксы (см. статью в этом издании), в Остром

кургане имеются черты, которые можно связывать с культурой Персии, при этом с культурой царской.

Подводя итог сказанному, следует признать, что Острый курган среди подобных памятников Боспора представляет собой уникальное явление. Он в полной мере отвечает определению М.П. Грязнова, что курган является сооружением, потерявшим свой первоначальный облик в результате процессов разрушения [Грязнов, 1961; см. также: Чернопицкий, 1980, с. 177-178; 1983; 1984]. Действительно, Острый курган был сооружён не в виде простой земляной насыпи над гробницей, а представлял собой весьма эффектное архитектурное сооружение, служившее, очевидно, также и поминальным комплексом. Его необычная крепида, имеющая в плане форму правильного восьмиугольника, своеобразные «лестницы», открытые с трёх сторон (восточной, западной и южной), обломки надписи (надписей?), высеченной на каменной плите, обломки мрамора, возможно, принадлежавшие скульптуре, и пр. – все эти детали заставляют считать, что курган занимал особое, можно сказать, ключевое место в некрополе боспорской знати IV в. до н.э. Есть основания полагать, что некрополь Юз-Оба во второй половине IV в. до н.э. стал формироваться, ориентируясь на этот важнейший репер.

Несмотря на явный недостаток археологических материалов, можно высказать предположение или опять же догадку, что в катакомбе Острого кургана был погребен создатель боспорского государства Левкон I (389/88 – 349/48 гг. до н.э.) [Vinogradov, 1993, S. 223]. Как прекрасно известно, древние авторы не знали династии Спартокидов, но писали о правителях из дома Левкона [Strab. VII, 4, 4] или о Левконидях [Ael. Var. hist. VI, 13; см.: Блаватский, 1976, с. 57; Шелов-Коведяев, 1985, с. 85; Vinogradov, 1980, S. 84, Anm. 107]. Столь значимая в боспорской истории фигура, конечно, заслуживала погребения в особом месте и в гробнице особого типа. Учитывая дружеские связи Левкона со скифами [Polyaen. VI, 9, 4], сооружение для этой цели огромной катакомбы представляется вполне объяснимым. Использование скифского типа погребальных сооружений в таком случае можно рассматривать как своего рода демонстрацию прочности политического союза между Боспором и Скифией [см.: Шелов-Коведяев, 1985, с. 136; Яковенко, 1986, с. 47; Виноградов, 2005, с. 275]. Но одной этой демонстрацией дело, как представляется, не ограничилось, и двускатный свод катакомбы, а также наличие здесь монументальной каменной крепиды с лестницами, скорее всего, знаменовало совсем другую культурную традицию, связанную с фракийским происхождением Спартокидов. Не исключено, что этот культурный импульс был в немалой степени сопряжен со стремлением боспорских монархов подражать владыкам Персии, может быть, в чем-то копировать их практику возвеличивания власти царя посредством создания впечатляющих памятников погребальной архитектуры.

В заключение еще раз подчеркну, что дискуссионность высказанной гипотезы вполне очевидна даже для ее автора. Тем не менее, я рискнул это сделать во многом для того, чтобы привлечь внимание ученого сообщества к одному из замечательнейших памятников культуры Боспорского царства IV в. до н.э., – кургану, который мы именуем Острым.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова М.П.* Катакомбы и склеповые сооружения юга Восточной Европы // Труды ГИМ. – Вып. 54. Археологические исследования на юге Восточной Европы. – М., 1982.
- Афанасьева В.К., Луконин В.Г., Померанцева Н.А.* Искусство Древнего Востока. – М., 1976/1977.
- Базайтова Р.* Архитектура на тракийските гробници – принос в историята на античната архитектура // Хелис. – V. – София, 2006.
- Блаватский В.Д.* Об именах Спартокидов // Художественная культура и археология античного мира. – М., 1976.
- Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. – СПб, 2005.
- Виноградов Ю.А.* Золотой курган (Алтын–Оба) // БИ. – Вып. XVII. – Симферополь–Керчь, 2007.
- Виноградов Ю.А.* Цари Боспора и боспорские курганы IV в. до н.э. // Боспорские чтения. – Вып. X. – Керчь, 2009.
- Виноградов Ю.А.* Курганный некрополь Пантикапея доримского времени // Польш Дюбрюкс. Сборник сочинений. – Т. I. – СПб, 2010а.
- Виноградов Ю.А.* Золотой курган (Алтын Оба) // Польш Дюбрюкс. Сборник сочинений. – Т. I. – СПб, 2010б.
- Виноградов Ю.А.* Острый курган под Керчью (об одном забытом памятнике Боспора) // Боспорские чтения. – Т. XII. – Керчь, 2011.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. – М.-Л., 1949.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорские города. Уступчатые склепы, эллинистическая усадьба, Илурад. – Л., 1981.
- Гошев Г.* Към проблема за гробниците с полуцилиндричен свод в североизточна България // Хелис. – IV. – София, 2005.
- Грязнов М.П.* Курган как архитектурный памятник // Тезисы докладов на заседаниях, посвящённых итогам полевых исследований в 1960 г. – М., 1961.
- Зайцев Ю.П.* Неаполь Скифский. – Симферополь, 2003.
- Кауфман С.А.* Об уступчатых склепах Боспора // Сообщения Института истории и теории архитектуры. – Вып. 6. – 1947.
- Колтухов С.Г., Кислый А.Е., Тоцев Г.Н.* Курганные древности Крыма. – Запорожье, 1994.
- Матье М.Э., Афанасьева В.К., Дьяконов И.М., Луконин В.Г.* Памятники мирового искусства. Искусство Древнего Востока. – М., 1968.
- Луконин В.Г.* Древний и раннесредневековый Иран. Очерки истории и культуры. – М., 1987.
- Мелюкова А.И.* Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И.Я. и Л.П. Стемпковских) // МИА. – № 115. – 1962.
- Миков В.* Произходът на куполните гробници в Тракия // Сборник Гаврил Кацаров. – София, 1955.
- Ольховский В.С.* Скифские катакомбы в Северном Причерноморье // СА. – № 4. – 1977.
- Ольховский В.С.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). – М., 1991.
- Савостина Е.А.* Типология и периодизация уступчатых склепов Боспора // СА. – № 2. – 1986.
- Филов Б.* Куполните гробници при Мезек // Известия на Българския археологически институт. – Т. XI – 1937.
- Цветева Г.А.* Курганный некрополь Пантикапея // МИА. – № 56. – 1957.
- Чернопицкий М.П.* Курганная группа как архитектурный ансамбль (опыт композиционно-художественного подхода) // Материалы I Всесоюзной археологической конференции. – Кемерово, 1980.
- Чернопицкий М.П.* Генезис курганной традиции // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. – № 2. – 1983.
- Чернопицкий М.П.* Курган в системе древней обрядности // Скифо-сибирский мир (искусство и идеология). Тезисы докладов Второй археологической конференции. – Кемерово, 1984.
- Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–V вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР, 1984. – М., 1985.
- Яковенко Э.В.* О дипломатических контактах Боспора со Скифией времён Атея (К истории междуна-

родных отношений в Причерноморском регионе) // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. – Ростов-на-Дону, 1986.

Boardman Jh. Persia and the West. An Archaeological Investigation of the Genesis of Achaemenid Art. – London, 2000.

Gajdukevič V.F. Das Bosporanische Reich. – Berlin, 1971.

Herzfeld E.E. Iran in the Ancient East. – London, New York, 1941.

Kurtz D.C., Boardman J. Greek Burial Customs. – London, 1971.

Nylander C. Ionians in Pasargadae. Studies in Old Persian Architecture. – Uppsala, 1970.

Schmidt E.F. Persepolis. I. Structures, Reliefs, Inscriptions. – Chicago, Illinois, 1970.

Schmidt E.F. Persepolis. III. The Royal Tombs and other Monuments. – Chicago, Illinois, 1970.

Sevinç N., Treister M. Metalwork from the Dardanos Tumulus // Studia Troika. – Bd. 13. – Mainz on Rhein, 2003.

Theodossiev N. The Sacred Mountain of the Ancient Thracians // Thracia. – 11 – 1995.

Tsetsckhladze G.R. More on the Bosporan Chamber Tombs // Таманская старина. – Вып. 1. – СПб, 1998.

Valeva Ju. The Painted Coffers of the Ostrusha Tomb. – Sofia, 2005.

Vinogradov Ju.G. Die historische Entwicklung der Poleis der nördlichen Schwarzmeergebietes im 5. Jahrhundert v. Chr. // Chiron – Bd. 10. – 1980.

Vinogradov Ju.G. Die Bosporanischen Herrscher // Rostowzew M. Scythien und der Bosporus. – Band II. – Wiederentdeckte Kapitel und Verwandtes. – Stuttgart, 1993.

Ю.О. Виноградов

ГОСТРИЙ АБО ДЕСЯТИЙ КУРГАН НЕКРОПОЛЮ ЮЗ-ОБА

Резюме

Гострий курган займає центральне місце в некрополі боспорської знаті Юз-Оба. На момент розкопів його висота рівнялась з Царським (17 м). Поряд з цим цей курган виділяє монументальна крепіда, яка має восьмикутну форму та відкрита тут велика катакомба. Подібні похоронні камери були добре відомі у Скіфії IV ст. до н.е., але катакомба Гострого кургану мала двохвилий звід, що нетипово для степових пам'яток. Ця деталь споріднює її з гробницями Персії, Малої Азії та Фракії. Особливо показова гробниця персидського царя Дарія I у Накш-і-Рустем, яка вирубана у скелі. Поховання у катакомбі Гострого кургану виявилось повністю пограбованим, але його датування IV ст. до н.е. не викликає сумніву. Настільки ж очевидна приналежність цієї пам'ятки до самого високого рангу еліти Боспору. Можна припустити, що тут був похований творець Боспорської греко-варварської держави Левкон I (389/8 – 349/8 рр. до н.е.).

Ю.А. Виноградов

ОСТРЫЙ ИЛИ ДЕСЯТЫЙ КУРГАН НЕКРОПОЛЯ ЮЗ-ОБА

Резюме

Острый курган занимает центральное место в некрополе боспорской знати Юз-Оба. На момент раскопок его высота равнялась с Царским (17 м). Наряду с этим, этот курган выделяет монументальная крепіда, имевшая восьмиугольную форму, и открытая здесь крупная катакомба. Подобные погребальные камеры были хорошо известны в Скифии IV в. до н.э., но

катакомба Острого кургана имела двускатный свод, что не типично для степных памятников. Эта деталь роднит её с гробницами Персии, Малой Азии и Фракии. Особенно показательна гробница персидского царя Дария I в Накш-и-Рустем, вырубленная в скале. Погребение в катакомбе Острого кургана оказалось полностью ограбленным, но его датировка IV в. до н.э. не вызывает сомнения. Столь же очевидна принадлежность этого памятника к самому высокому социальному рангу элиты Боспора. Можно допустить, что здесь был погребён создатель Боспорского греко-варварского государства Левкон I (389/8 – 349/8 гг. до н.э.).

Y.A. Vinogradov

OSTRY MOUND OR DESYATY MOUND OF THE NECROPOLIS YUZ-OBA

Summary

The Ostry Mound occupies a central place in the necropolis of the Bosporan aristocracy of Yuz-Oba. At the time of excavation its height was equal to the Royal Mound (17 m).

Along with this, this monumental is special because of its revetment, which had an octagonal shape, and a large catacomb opened here. Similar burial chambers were well known in Scythia in the 4th century BC, but the catacomb of the Ostry Mound had a gable vault, which is not typical for steppe sites. This detail unites it with the tombs of Persia, Asia Minor and Thrace. The tomb of the Persian king Darius I in Naqsh-e - Rostam, carved in the rock is particularly revealing. Catacomb burial in the Ostry Mound was completely robbed, but his dating to the 4th BC is undoubted. Affiliation of this monument to the highest social rank elite of the Bosporus is obvious. We can assume that a founder of the Bosporan Greek- barbarian state Leukon I (389/8 - 349/8 BC) was buried there.

Рис. 1. Вид Десятого (Острого) кургана с юго-западной стороны в начале его расследования [Научный архив ИИМК РАН, ф. 1, д. 691, л. 29].

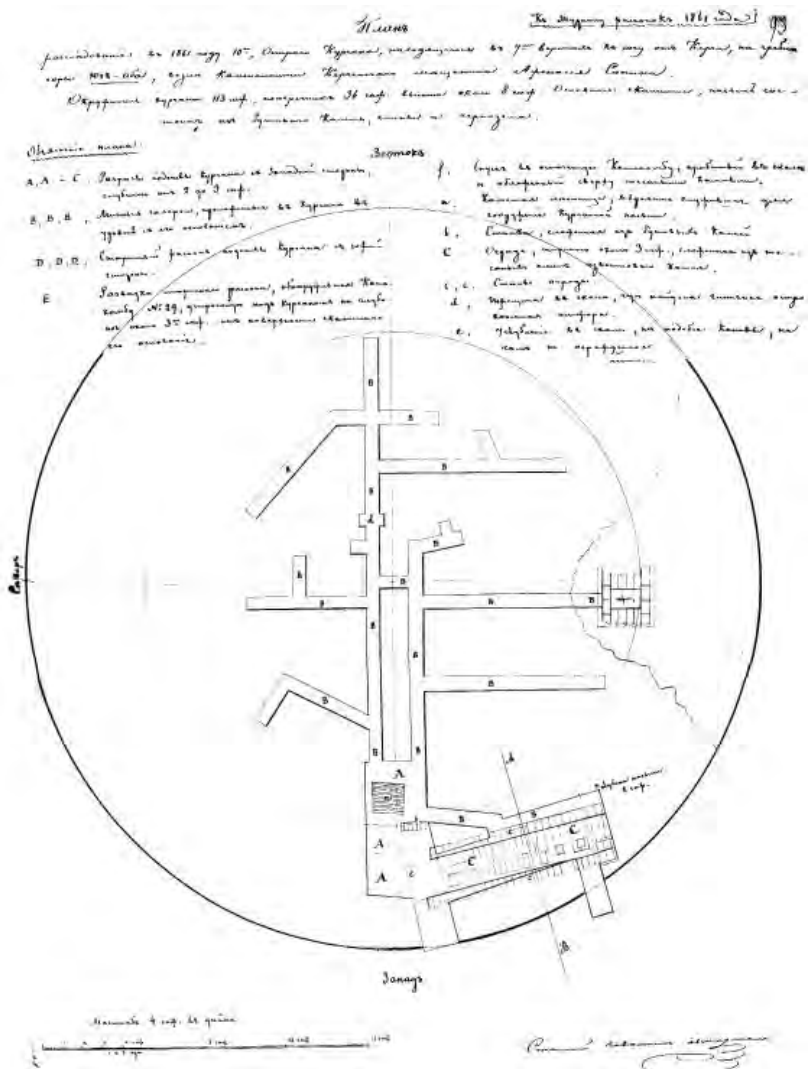

Рис. 2. Острый курган, план после раскопок 1861 г. [НА ИИМК РАН, ф. 1, 1861 г., д. 16, л. 93].

Условные обозначения, данные А.Е. Люценко:

- A, A и C. Разрезы (раскопы) подошвы кургана с западной стороны глубиною от 2-х до 3-х сажен;
- B, B, B. Минные галереи, проложенные в кургане в уровень с его основанием;
- D, D, D. Старинный раскоп подошвы кургана с южной стороны;
- E. Разведка старинного раскопа, обнаружившая катакомбу № 29, устроенную под курганом на глубине около 3-х саж. от поверхности скалистого основания;
- f. Спуск в означенную катакомбу, пробитый в скале и обнаруженный камнями, сложенными сверху;
- a. Каменная лестница, вероятно, служившая для сооружения курганной насыпи;
- b. Стенка, сложенная из бутового камня;
- c. Ограда шириной около 3-х саж., сложенная из тесаных плит известнякового камня;
- c c. Стенки ограды;
- d. Трещина в скале, где найдена глиняная остродонная амфора;
- e. Углубление в скале наподобие канавы, ничем не огражденное.

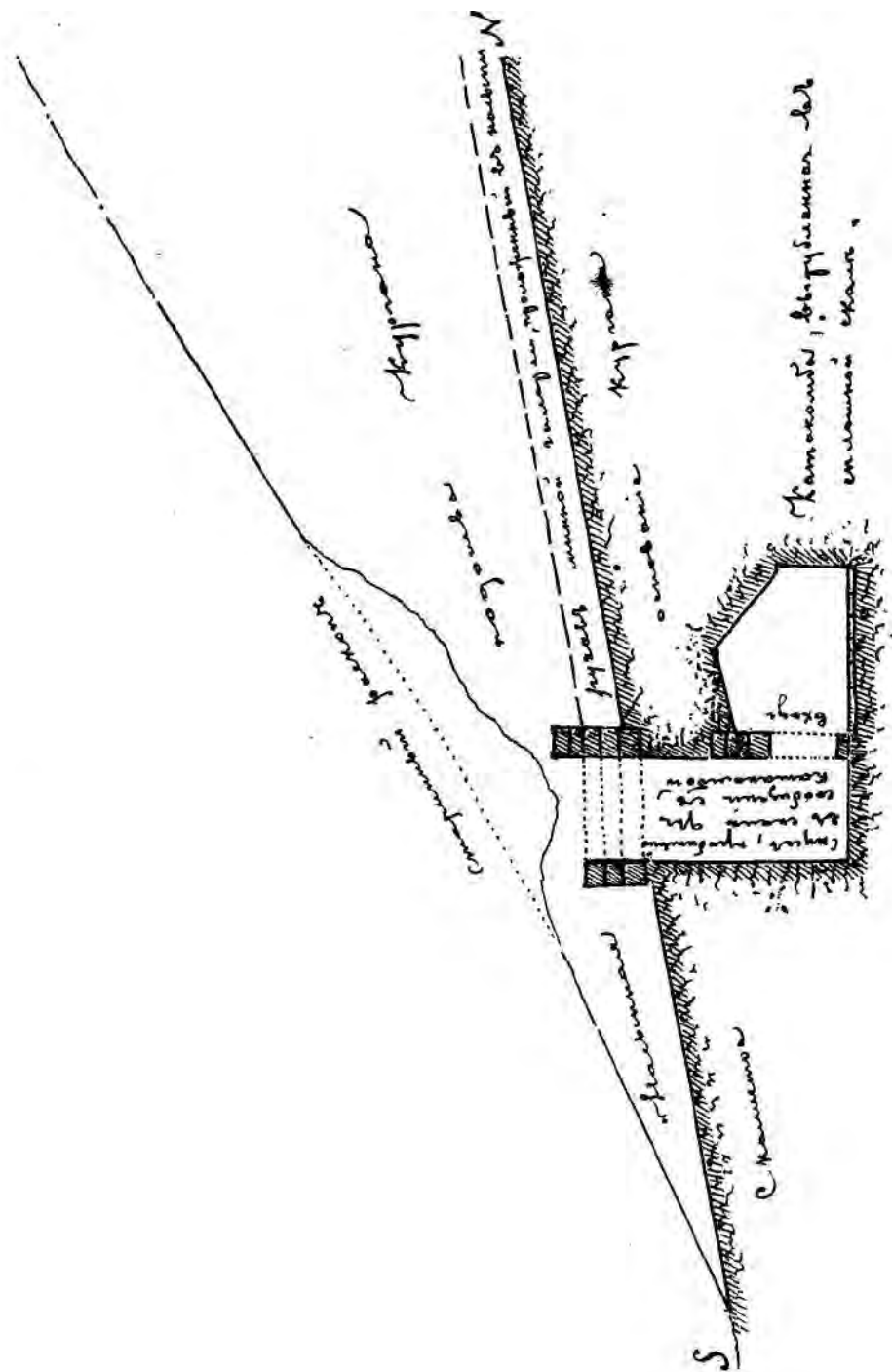

Рис. 4. Разрез катакомбы № 29 Острого кургана [НА ИИМК РАН, ф. 1, 1861 г., д. 16, л. 68].

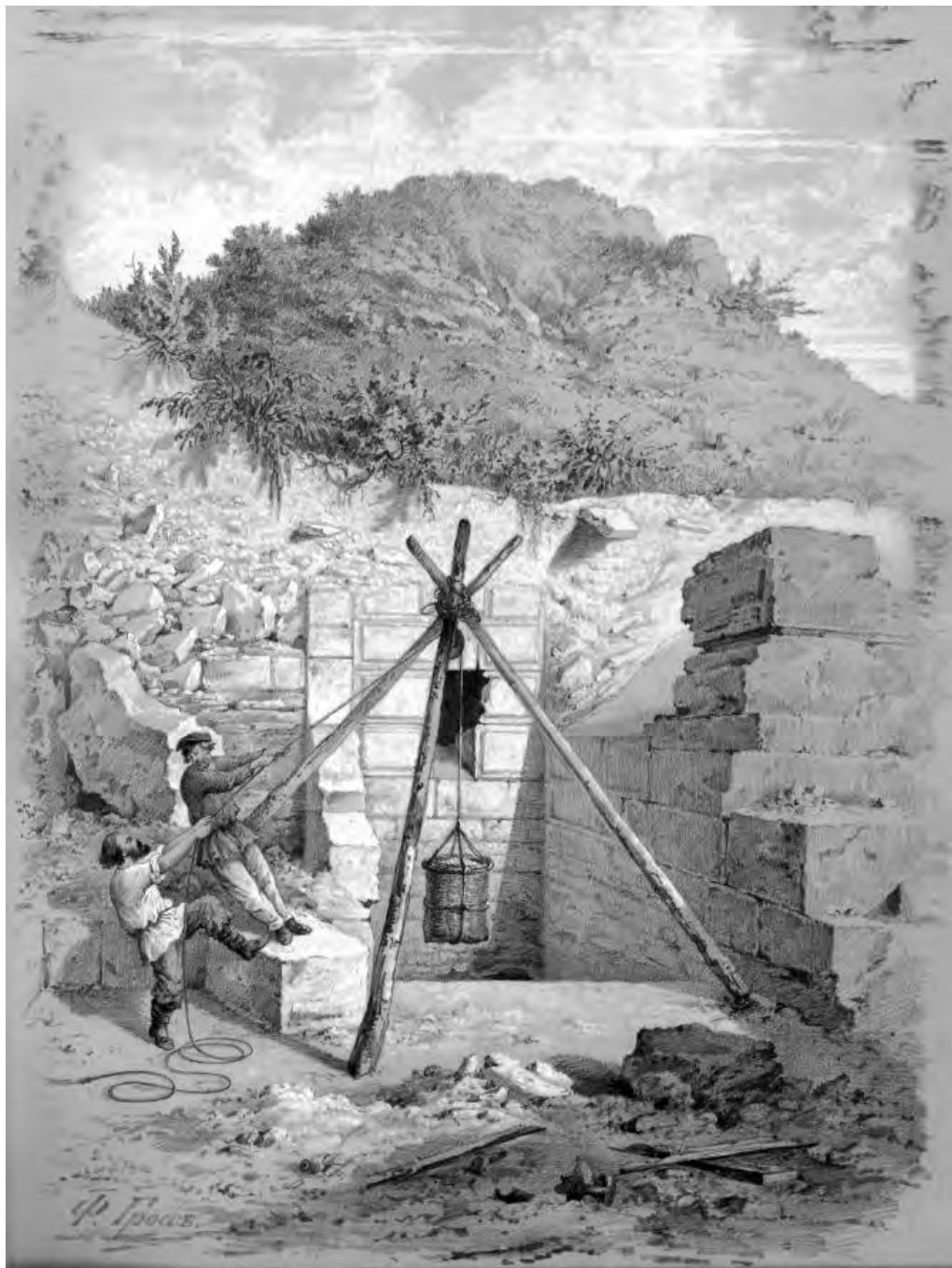

Рис. 5. Вид колодца, ведущего в катакомбу № 29 в скалистом основании Острого кургана с южной его стороны [НА ИИММК РАН, р. 1, д. 691, л. 30].

Рис. 6. Вид входа в катакомбу № 29, снятый из спуска в нее [НА ИИМК РАН, р. I, д. 691, л. 31].

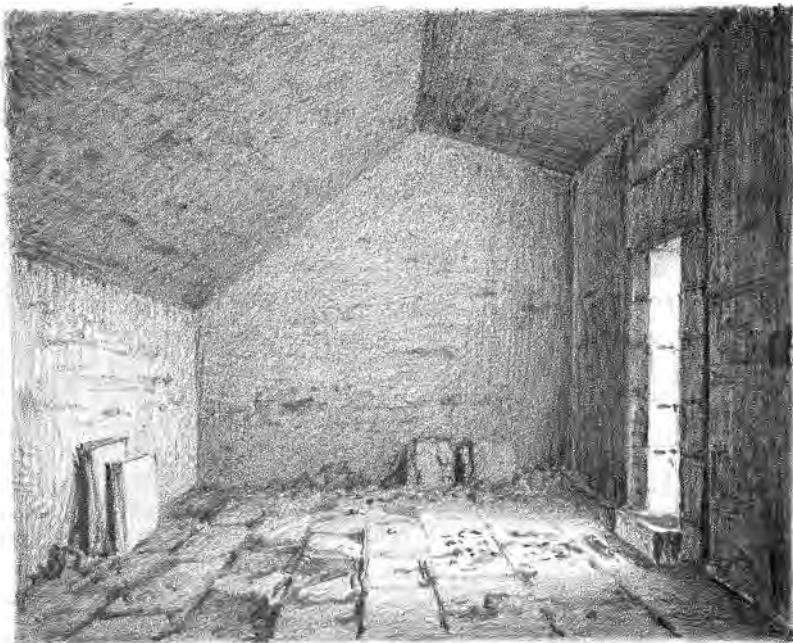

Рис. 7. Внутренний вид катакомбы № 29
[НА ИИМК РАН, р. I, д. 691, л. 31, А].

Рис. 8. Вид стены, окружающей Острый курган с восточной его стороны. Раскопки 1862 г.
[НА ИИМК РАН, р. I, д. 691, л. 32].